

Писхейвен, октябрь 1999 года

Я решила начать с этих слов: *я больше не хочу тебя убить* — потому что на самом деле не хочу. Но затем решила, что это покажется тебе слишком мелодраматичным. Ты всегда ненавидел мелодрамы, и я не хочу расстраивать тебя сейчас. Ни в том состоянии, в котором ты находишься, ни в том, которое может стать концом твоей жизни.

Я хочу сделать вот что: записать все, чтобы иметь возможность завершить историю правильно. Это своего рода исповедь, и все детали должны сойтись. Когда закончу, я планирую прочитать этот отчет тебе, Патрик, потому что ты больше не можешь ответить. А я должна продолжать разговаривать с тобой. Врачи считают, что разговоры жизненно необходимы для выздоровления.

Твоя речь почти уничтожена, ты находишься в моем доме, мы общаемся с помощью карточек. Ты указываешь мне на них. Ты не можешь произносить слова, но можешь указать на свои желания: *пить, туалет, бутерброд*. Еще до того, как твой палец коснется картинки, я уже знаю, какую ты выберешь, но все равно позволяю тебе выбрать самому, потому что для тебя важно оставаться независимым.

Странно, не правда ли, что теперь я пишу это ручкой на бумаге, — как нам это назвать? Вряд ли это дневник. Точно не из тех, что ты когда-то вел. Как бы то ни было, я пишу, а ты лежишь в постели и наблюдаешь за каждым моим движением.

* * *

Тебе никогда не нравилась эта часть побережья, называемая «пригородом на море», — место, куда старики ходят смотреть на закаты и ждать смерти. Разве эта территория — открытая, уединенная, продуваемая ветрами, как и все лучшие британские приморские поселения, — не считалась новой Сибирью в ту ужасную зиму 63-го? Сейчас здесь не так мрачно, хотя все еще однообразно; я даже нахожу некоторое утешение в этой предсказуемости. Улицы здесь, в Писхейвене, похожи одна на другую: скромное бунгало, функциональный сад, спуск к морю.

Я изо всех сил сопротивлялась планам Тома переехать сюда. Зачем мне, коренной жительнице Брайтона, ютиться на одном этаже, даже если агент по недвижимости назвал наше бунгало швейцарским шале? Зачем мне довольствоваться узкими проходами местного Со-ор*, смрадом устаревших «Пиццы Джо» и «Кебаб Хауса», четырьмя похоронными бюро, зоомагазином с названием «Звериная Магия» и химчисткой, где, по всей видимости, трудятся сотрудники, «за-

* Сеть продуктовых магазинов в Великобритании.

каленные Лондоном»? Зачем мне соглашаться на все это после Брайтона, где в кафе всегда многолюдно, магазины распродают больше товаров, чем вы можете себе представить, не говоря уже о просто необходимом, а пирс светлый, всегда открыт и порой кажется слегка угрожающим?

Нет. Я подумала, что это ужасная идея. Как и ты. Но Том был полон решимости уехать в более тихое, маленькое и, предположительно, более безопасное место. Я думаю, что отчасти ему было более чем достаточно напоминаний о его прежнем ритме, прежних занятиях. Бунгало в Писхейвене не напомнят вам о повседневной жизни. И вот мы здесь, где на улицах нет никого до девяти тридцати утра и после девяти тридцати вечера, за исключением горстки подростков, которые курят возле пиццерии. Мы живем в бунгало с двумя спальнями (и это не швейцарское шале, совсем не оно), недалеко от автобусной остановки и Сорор с длинной лужайкой, на которую можно смотреть; со стиральной машиной, джакузи и тремя уличными строениями (сарай, гараж, теплица). Единственное спасение — вид на море, с которым и правда не обманули; его видно из бокового окна спальни. Я отдала тебе эту спальню и поставила твою кровать так, чтобы ты мог смотреть на него сколько пожелаешь. Я дала все это тебе, Патрик, несмотря на то что у нас с Томом никогда не было такого вида. В своей квартире в Чичестер-Террас с отделкой в стиле Регентства ты каждый день наслаждался морем. Я очень хорошо помню вид из твоей квартиры, хотя редко бывала у тебя: же-

лезная дорога Фолька, сады Герцогского городища, волнорез с его белым гребнем в ветреные дни и, конечно же, море, всегда разное, но всегда одно и то же. В нашем стандартном доме на Ислингворд-стрит мы с Томом видели только наши собственные отражения в окнах соседей. Но это неважно. Мне не хотелось покидать это место.

Итак, я подозреваю, что, когда ты приехал сюда из больницы неделю назад, когда Том принес тебя из машины и усадил в твое кресло, ты увидел то же, что и я: ровную коричневую гальку, невероятно гладкую пластиковую поверхность двойных застекленных дверей, аккуратную хвойную изгородь вокруг дома — и все это вселило ужас в твое сердце, как и в мое. И название места: Сосны. Такое неподходящее, такое лишенное воображения. По твоей шее, вероятно, струился прохладный пот, и в рубашке вдруг стало тесно. Том повез тебя по тропинке. Ты заметил, что каждая плита представляла собой идеально ровный кусок розовато-серого бетона. Когда я вставила ключ в замок и сказала: «Добро пожаловать», — ты сложил свои увядшие руки и изобразил на лице что-то вроде улыбки.

Оказавшись в оклеенном бежевыми обоями коридоре, ты почувствовал аромат отбеливателя, который я использовала, готовясь к твоему прибытию, и запах Уолтера — нашей собаки. Ты слегка кивнул на нашу свадебную фотографию в рамке, на Тома в чудесном костюме от Кобли, оплаченного тобой, и на меня в жесткой вуали. Мы сидели в гостиной, Том и я, на новом коричневом

бархатном диване, купленном на деньги из пенсионных накоплений Тома, и слушали странную музыку центрального отопления. Уолтер тяжело дышал у ног Тома. Тогда Том сказал: «Марион проследит, чтобы ты устроился». И я заметила, как ты вздрогнул от решимости Тома уйти, как ты продолжал смотреть на тюль, когда он зашагал к двери со словами: «Мне нужно кое-что сделать».

Собака последовала за ним. Мы с тобой сидели и вслушивались в шаги Тома по коридору, в шорох, когда он тянулся за своим пальто на вешалке, в звон, когда он заглядывал в карман в поисках ключей; мы услышали, как он мягко приказал Уолтеру подождать, а затем — только звук выпускаемого воздуха, когда он открыл входную дверь с двойным остеклением и вышел из бунгало. Когда я наконец взглянула на тебя, твои руки, лежавшие на костлявых коленях, дрожали. Ты тогда думал, что пребывание в доме Тома наконец может оказаться не таким, на которое ты надеялся?

* * *

На сорок восемь лет. Вот как далеко я должна вернуться — в те времена, когда я впервые увидела Тома. И даже этого может быть недостаточно.

Он был таким сдержанным. *Том*. Даже имя солидное, незатейливое, но не без чувственности. Он не был Биллом, Регом, Лэсом или Тони. Ты когда-нибудь называл его Томасом? Я помню, что хотела. Иногда были моменты, когда мне хотелось

его переименовать. *Томми*. Возможно, ты называл его именно так, красивого молодого человека с большими руками и темно-русыми кудрями.

Я знала его сестру еще со времен нашей учебы в гимназии. Во втором классе она подошла ко мне в коридоре и сказала: «Я тут подумала — неплохо выглядишь. Будешь моей подругой?». До этого момента мы проводили время в одиночестве, сбитые с толку странными школьными ритуалами, гулким эхом классных комнат и резкими голосами других девочек. Я позволила Сильви списать домашнюю работу, а она проиграла мне свои пластинки: Нэт Кинг Коул, Патти Пейдж, Перри Комо*. Вместе, только для самих себя, мы пели «*Одним волшебным вечером ты можешь увидеть незнакомца*»**, стоя в хвосте очереди на гимнастическую лошадь, пропуская остальных девушек вперед. Никто из нас не любил игр. Мне нравилось бывать у Сильви потому, что у нее были *вещи*, а ее мать разрешала ей укладывать ломкие светлые волосы в стиле, слишком взрослом для ее лет; думаю, она даже помогала ей закалывать челку в локон для поцелуя. В то время мои волосы, такие же рыжие, как и сейчас, все еще заплетались в толстую косу. Если я выходила из себя дома — помню, как

* Nat King Cole, Patti Page, Perry Como — американские эстрадные исполнители, популярные в 1950–1960 гг.

** Строчка из песни *Some enchanted evening* из мюзикла «Юг Тихого океана». В 1958 году по мюзиклу был снят художественный фильм. Песня стала популярной, она входила в репертуар очень многих исполнителей того времени, в том числе Фрэнка Синатры, Бинга Кросби, Энди Уильямса.

однажды с силой прищемила голову брата Фреда дверью, — отец смотрел на мать и говорил: «Это все твой огонь в ней», — потому что рыжий ген был со стороны моей матери. Ты однажды назвал меня *Красной чумой*, не так ли, Патрик? К тому времени мне уже нравился цвет моих волос, но я всегда чувствовала, что это будто исполняющееся пророчество — иметь рыжие волосы: люди ожидали, что я окажусь вспыльчивой, и поэтому, если я чувствовала, что гнев разгорается, то просто не мешала ему. Не часто, конечно. Но иногда я хлопала дверьми или бросала посуду. Однажды я так сильно ударила пылесосом об пол, что он треснул.

Когда я впервые пришла в дом Сильви в Патчеме, на ней был шейный платок из шелка персикового цвета, и, как только я его увидела, мне захотелось такой же. У родителей Сильви в гостиной стоял высокий шкаф со стеклянными дверьми, украшенный черными звездами, а в нем — напитки. «Это все о нереализованном», — сказала Сильви, засунув язык за щеку и указывая мне наверх. Она разрешила мне надеть свой шейный платок и показала собственные пузырьки с лаком для ногтей. Когда она открыла один, я почувствовала запах груши. Сидя на ее аккуратной кровати, я выбрала темно-фиолетовый лак, чтобы провести по широким обкусанным ногтям Сильви, а когда закончила, поднесла ее руку к своему лицу и нежно подула. Затем приблизила ее ноготь ко рту и провела верхней губой по гладкому слою, чтобы убедиться, что он высох.

— Что ты делаешь? — рассмеялась она колючим смехом.

Я позволила ее руке упасть ей на колени. Ее кошка, Миднайт, вошла и потерлась о мои ноги.

— Извини, — сказала я.

Миднайт выгнулась и еще сильнее прижалась к моим лодыжкам. Я потянулась, чтобы почесать ее за ушками, и, когда сложилась пополам над кошкой, дверь спальни Сильви открылась.

— Уходи, — скучающим голосом сказала Сильви.

Я быстро выпрямилась, опасаясь, что она говорит мне, но подруга смотрела через мое плечо на дверной проем. Я обернулась, увидела его стоящим там, и рука сама потянулась к шарфу на моей шее.

— Уходи, Том, — повторила Сильви тоном, который точно указывал, что она разобралась с ролями, которые им предстояло сыграть в этой маленькой драме.

Он прислонился к дверному проему, рукава его рубашки были закатаны до локтей, и я обратила внимание на выпирающие мускулы на его предплечьях. Ему было не больше пятнадцати — чуть старше меня; но его плечи были уже широкими, а у основания шеи виднелась темная впадина. На подбородке у него с одной стороны был шрам — просто небольшая вмятина, как отпечаток пальца на пластилине, — и с лица не сходил усмешка. Я уже тогда понимала, что она была нарочитой: он думал, что она давала ему возможность выглядеть как Тед. Но то, как этот мальчик опирался на дверной косяк и смотрел своими го-

лубыми глазами — маленькими, глубоко посаженными глазами, — заставило меня сильно покраснеть. Я протянула руку, погрузила пальцы в пыльный мех между ушей Миднайт и сосредоточилась на кошке.

— Том! Убирайся! — Голос Сильви стал громче, и дверь захлопнулась.

Можешь себе представить, Патрик, прошло несколько минут, прежде чем я решилась убрать руку с кошачьих ушей и снова взглянуть на Сильви.

После этого я изо всех сил старалась оставаться для Сильви хорошей подругой. Иногда я садилась на автобус до Патчема и проходила мимо ее двухквартирного дома, глядя на ярко освещенные окна, убеждала себя, будто надеюсь, что выйдет она, хотя на самом деле все мое тело было напряжено, ожидая появления Тома. Однажды я сидела у стены за углом ее дома, пока не стемнело и я не перестала чувствовать пальцы рук и ног. Я прислушивалась к пению дроздов и чувствовала запах сырости от живой изгороди, окружавшей меня, а затем села в автобус и поехала домой.

Моя мама часто смотрела в окна. Каждый раз, когда готовила, она опиралась на плиту и вглядывалась в крошечную стеклянную полоску у нашей задней двери. Мне казалось, она постоянно готовила подливку и смотрела в окно. И дольше всего помешивала ее, соскребая со сковороды остатки мяса и хрящи. У этой подливки был привкус железа, и она была немного комковатой, но папа и братья накладывали ее в свои тарелки довер-

ху. Было так много подливки, что она попадала на пальцы и под ногти, и они слизывали ее, пока мама курила, ожидая, когда освободится посуда, чтобы ее помыть.

Они всегда целовались, мама и папа. В буфетной он крепко держал ее рукой за шею, а она обвивала его рукой за талию, притягивая ближе. Было трудно понять, насколько они подходили друг другу, — они казались буквально одним целым. Однако для меня это было совершенно будничное зрелище — видеть их такими, и я просто сидела за кухонным столом, клала свой Picturegoer* на ребристую скатерть, подпирала подбородок рукой и ждала, пока они закончат. Странно то, что хоть они и целовались все время, они практически никогда не разговаривали. Они говорили через нас: *«Тебе придется спросить об этом своего отца»*. Или: *«Что говорит твоя мама?»* За столом сидели Фред, Гарри и я, папа читал Gazette**, а мама стояла у окна и курила. Я не помню, чтобы она когда-нибудь садилась за стол и ела вместе с нами, кроме воскресенья, когда приходил папин отец, дедушка Тейлор. Он называл папу «мальчиком» и подкармливал свою пожелтевшую Вести, сидевшую под стулом большую часть обеда. Так что совсем скоро мама снова стояла и курила, убирала тарелки и перебирала черепки на кухне. Она ставила меня у сушилки,

* Журнал для фанатов кино. Издавался в Великобритании с 1911 по 1960 г.

** Правительственная газета Великобритании.

завязывала один из своих слишком длинных для меня фартуков вокруг моей талии. Его приходилось закатывать сверху, и я пыталась опереться на раковину, как она. Иногда, когда ее не было, я смотрела в окно и пыталась представить, о чем она думала, когда смотрела на наш сарай с покатою крышей, на папину беспорядочную грядку с брюссельской капустой и небольшой квадратик неба над садом соседского дома.

Во время летних каникул мы с Сильви часто ездили в «Блэк Рок Лидо»*. Мне хотелось сэкономить и посидеть на пляже, но Сильви настаивала на том, что «Лидо» — именно то место, где мы должны находиться. Отчасти потому, что в «Лидо» Сильви могла флиртовать с мальчиками. На протяжении всей нашей учебы она редко оставалась без поклонников, а я, похоже, никого не интересовала. Мне была неприятна мысль о том, что придется провести еще один день, наблюдая за тем, как моя подруга строит глазки, но бассейн был слишком красив со своими сверкающими окнами, белым бетоном и полосатыми шезлонгами, чтобы сопротивляться, и поэтому чаще всего мы платили девять пенсов и протикивались через турникеты к бассейну.

Я особенно отчетливо вспоминаю один день. Нам тогда было около семнадцати. У Сильви было светло-зеленое платье-двойка, а у меня —

* Открытый бассейн в Брайтоне в стиле ар-деко. Существовал с 1930-х гг. Снесен в 1979 году.

красный купальник, который был мне мал. Мне все время приходилось поправлять ремешки и оттягивать его пониже. К этому времени у Сильви были довольно внушительная грудь и аккуратная талия. Мне все еще казалось, что моя фигура — длинный прямоугольник с небольшим количеством дополнительных отступов по бокам. Мне нравились мои коротко подстриженные волосы, но я была чересчур высокой. Отец советовал мне не сутулиться и всегда выбирать туфли на плоской подошве. «Ни один мужчина не захочет смотреть на нос женщины, — говорил он. — Разве не так, Филлис?» А мама улыбалась и ничего не отвечала. В школе твердили, что с моим ростом я должна хорошо играть в нетбол*, но я была ужасна. Я просто стояла с краю, делая вид, что жду пас. Но паса не было, и я наблюдала за мальчиками, которые играли в регби за забором. Их голоса так отличались от наших: глубокие, древесные и с той беззаботностью, какой обладают мальчики, абсолютно уверенные в следующем своем шаге в жизни. Оксфорд. Кембридж. Бар. Соседняя школа была частной, понимаешь, как и твоя, и мальчики казались намного красивее, чем те, которых я знала. Они носили хорошо скроенные куртки и ходили, засунув руки в карманы, а их длинные челки падали им на лица, в то время как парни, с которыми я была знакома (а их было немного), как бы бросались вперед, глядя прямо перед собой. Никакой тайны. Все известно наперед. Не то чтобы я ког-

* Женский вид спорта, разновидность баскетбола.

да-либо разговаривала с кем-нибудь из этих мальчишек с челками. Ты ходил в одну из таких школ, но никогда не был таким, да, Патрик? Как и я, ты везде был чужаком. Я поняла это с самого начала.

Было недостаточно жарко для купания на улице — свежий ветер дул с моря, — но солнце светило ярко. Мы с Сильви лежали на полотенцах. Я оставила юбку поверх костюма, а Сильви разложила свои вещи рядом со мной в аккуратный ряд: гребешок, плед, кардиган. Она села и прищурилась, глядя на толпу на залитой солнцем террасе. Рот Сильви всегда казался перевернутым вверх тормашками, а ее передние зубы следовали по нисходящей линии ее верхней губы, как будто были специально выточены по форме. Я закрыла глаза. Розоватые фигуры бегали по внутренней стороне моих век, когда Сильви вздохнула и откашлялась. Я знала, что она хотела поговорить со мной, рассказать, кто еще был в бассейне, кто что делал и каких мальчиков она знала; но все, чего я хотела, — это немного тепла на моем лице и ощущения отстраненности, которое возникает, когда лежишь на полуденном солнце.

В конце концов, я была почти у цели. Казалось, кровь за моими глазами сгустилась и все мои конечности превратились в резину. Шлепки босых ног и звуки плюхающихся с трамплина в воду мальчишек не будили меня, и, хотя я чувствовала, что солнце обжигает плечи, продолжала лежать на бетоне, вдыхая меловой запах мокрого пола и ощущая прохладные волны хлорного запаха от проходящих мимо.

Потом что-то холодное и влажное попало мне на щеку, и я открыла глаза. Сначала все, что я могла увидеть, было белым сиянием неба. Я моргнула, и проявилась фигура, обведенная ярко-розовым светом. Я снова моргнула, услышала голос Сильви, раздраженный, но довольный: «Что *ты* здесь делаешь?» — и поняла, кто это был.

Сидя, я попыталась собраться, прикрыв глаза и поспешно вытирая пот с верхней губы.

Вот *он*, купается в лучах солнца и ухмыляется Сильви.

— Ты брызгаешь на нас! — сказала она, касаясь воображаемой капельки на плечах.

Конечно, я видела Тома и восхищалась им в доме Сильви много раз, но сейчас впервые видела так много его тела. Я пыталась отвести взгляд, Патрик. Старалась не смотреть на каплю воды, ползущую от его шеи к пупку, на мокрые пряди волос. Но ты знаешь, как трудно отвести взгляд, когда видишь то, чего желаешь. Поэтому я сосредоточилась на его голеньях, на блестящих светлых волосках на его коже; я поправила лямки своего купальника, и Сильви снова спросила, слишком драматично вздохнув: «Что тебе нужно, Том?».

Он посмотрел на нас обеих — совершенно сухих и горячих от солнца.

— Разве вы не ныряли?

— Марион не плавает, — объявила Сильви.

— Почему нет? — спросил он, глядя на меня.

Полагаю, я могла солгать. Но даже тогда я ужасно боялась, что меня разоблачат. В конце концов,

люди всегда все узнают. И тогда будет еще хуже, чем если бы вы просто сказали правду.

У меня пересохло во рту, но я сумела сказать: «Никогда не училась».

— Том в клубе морского плавания, — сказала Сильви, и это прозвучало почти гордо.

У меня никогда не было желания мокнуть. Море было всегда рядом, создавало постоянный шум и движение на окраине города. Но это не означало, что я должна была присоединиться к нему, не так ли? До этого момента невозможность плавать казалась мне совершенно неважной. Но теперь я знала, что мне придется это сделать.

— Хотелось бы научиться, — сказала я, пытаюсь улыбнуться.

— Том тебя научит. Правда, Том? — спросила Сильви, глядя ему в глаза, призывая его отказаться.

Том вздрогнул, схватил полотенце Сильви и обернул его вокруг талии.

— Я мог бы, — сказал он. Грубо потеряв волосы, пытаюсь высушить их одной рукой, он повернулся к Сильви. — Передай шиллинг.

— Где Рой? — спросила Сильви.

Я впервые услышала о Рое, но Сильви явно им заинтересовалась, судя по тому, как быстро оставила вопросы об уроках плавания и вытянула шею, чтобы посмотреть чуть дальше своего брата.

— Занимается дайвингом, — сказал Том. — Дай мне шиллинг.

— Что ты будешь делать после?

— Не твое дело.